

УДК 821.112.2(436)

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-142-150

ОБРАЗ КНИГИ В НРАВСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ АВСТРИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XIX ВЕКА

Стрельникова А.А.

Московский государственный областной университет

105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется место книги в нравственно-эстетической системе ценностей австрийской культуры XIX века на основе исследования произведений австрийской литературы. В творчестве австрийских писателей А. Штифтера, Ф. фон Заара, П. Розеггера, М. фон Эбнер-Эшенбах образ книги становится важной смысловой частью художественного мира, проясняя авторское мировоззрение, духовные и эстетические ориентиры австрийской культуры. Рассмотрено взаимодействие книги с традиционными ценностями австрийской культуры – музыкой и живым словом, а также роль книги в образовании и воспитании.

Ключевые слова: книга, нравственно-эстетические ценности, австрийская культура, австрийская литература, бидермайер.

THE IMAGE OF THE BOOK IN THE ETHICAL AND AESTHETIC AXIOLOGICAL SYSTEM OF AUSTRIAN WRITERS OF THE 19TH CENTURY

A. Strelnikova

Moscow State Regional University

Radio St., 10a, Moscow, Russia, 105005

Abstract. The article analyses the place of the book in the ethical and aesthetic axiological system of Austrian culture of the 19th century on the basis of a study of Austrian literary works. In the works of the Austrian writers A. Stifter, F. von Saar, P. Rosegger, M. Ebner von Eschenbach, the image of the book becomes an important part of the artistic sense of the world, clarifying the author's worldview, spiritual and aesthetic guidelines of the Austrian culture. The article deals with the interaction of the book with the traditional values of Austrian culture such as the music and the spoken word, as well as the role of books in the upbringing and education.

Keywords: the book, ethical and aesthetic values, Austrian culture, Austrian literature, Biedermeier.

Литература Австрии XIX века может быть уподоблена тем таинственным камням-самородкам, естественная красота которых не бросается сразу в глаза, а открывается постепенно. Венский классик того времени Франц Грильпарцер (Franz Grillparzer) назвал основным качеством австрийской словесности скром-

ность. Во многом австрийское литературное наследие XIX в. осталось недооценённым. Между тем, в нём на редкость ясно проступает система ценностей, которые неразрывно связаны с вопросами культуры, образования, воспитания.

В этой системе ценностей книга занимает место сколь особое, столь и неожиданное. Необходимо вспомнить, что художественная словесность сложилась в Австрии довольно поздно. Вена к началу XIX века была известна как столица музыки и театра, но не литературы. Однако в течение XIX столетия появляются писатели, которые в своих произведениях создают ненавязчивые, но вполне ясные модели взаимоотношений, воспитания, образования, построенные на доверии и уважении. Среди первых австрийских авторов, сформировавших этические идеалы, можно назвать Франца Грильпарцера, Адальберта Штифтера (Adalbert Stifter), Фердинанда фон Заара (Ferdinand von Saar), Петера Розеггера (Peter Rosegger), Марию фон Эбнер-Эшенбах (Marie Ebner von Eschenbach).

В отличие от протестантской Германии с её пиететом перед печатным словом, в католической Австрии большее доверие вызывало слово звучащее и живая речь. К этому располагала и австрийская музыкальность, и многоголосие, привычное австрийцу: немецкая, чешская, словенская, венгерская речь звучала повсеместно, особенно в Вене.

Герои и персонажи австрийских авторов представлены несравненно чаще говорящими, слушающими или беседующими, чем читающими. Так, в рассказе Ф. фон Заара «Иннокентий» («Innocens», 1866) первое и глубочайшее

впечатление на повествователя производит в Праге проповедь на чешском языке, которая кажется ему «неведомой музыкой», проникающей в самое сердце. Характерен один из эпизодов рассказа: незнакомые между собой повествователь и монах оказываются в беседе, каждый за чтением своей книги. «...Непростительно, что нас обоих так привлекает слово печатное и мы пренебрегаем живым, а им-то нам надлежит пользоваться прежде всего» [2, с. 240], — замечает вскоре монах, после чего слово рассказчика переходит к нему, и мы узнаём историю его печальной любви и самоотречения. Уверенность в ценности живого, звучащего слова заметна во всех произведениях австрийских писателей.

Книга занимает в доме героев место, рядоположное картинам, научным коллекциям, музыкальным инструментам. Но как только книга попадает в руки персонажа, она обретает для него особое значение: становится его собеседником, другом. Книга часто нераздельно связана с уединением героя и с природой — её читают под яблоней, под липой, на высоком берегу реки. Как правило, это непростые ситуации в жизни героя, когда он должен принять решение, так что он словно ищет в книге ответы на свои вопросы и прислушивается к собственной душе. Остаться наедине с книгой - значит остаться наедине с природой и собой. С другой стороны, ещё чаще в рассказах австрийских писателей книгу читают вслух, обычно в дружеском или семейном кругу. На несколько часов книга объединяет всех слушателей, и при таких чтениях всегда подчёркивается общность чувств. Так, в повести А. Штифтера «Пёстрые камешки»

(«Bunte Steine», 1853) при чтении вслух молодые слушатели, обычно внешне сдержанные, не могут скрыть своих переживаний. Воздействие на персонажей книги, слово которой звучит, можно сравнить только с воздействием музыки.

Когда упоминается книга, вовсе не всегда нам становится известен её автор или название. Напротив, гораздо чаще книга остаётся неназванной. Однако если её автор указан, то это имеет важное значение для создания образа героя. Так, в рассказе М.Г. Заффира (**Moritz Gottlieb Saphir**) «Цыганка» («Die Zigeunerin») у героя-путника в карманах нет ничего, кроме «томика Руссо, складного ножа и носового платка» [3, с. 140]. Французский писатель Жан-Жак Руссо, создавший образ естественного человека, мечтателя, близкого к природе, как нельзя более соответствует содержанию рассказа, в котором речь идёт о цыганском таборе и свободе. После того, как табор неожиданно уходит, герой тоже снимается с места и отправляется в путь, как будто усвоив цыганский образ жизни. При этом герой-рассказчик отправляется налегке: всё имущество «поместилось в правом кармане моего сюртука, в левый положил томик Руссо» [3, с. 150]. В повести Штифтера «Пёстрые камешки» по некоторым цитатам можно понять, что автор, книгу которого читают вслух и который произвёл столь сильное впечатление на слушателей, это немецкий писатель Жан Поль. Интересно, что сентименталист Жан Поль, взявший себе этот псевдоним под влиянием Жана-Жака Руссо, воздействует не столько на разум, сколько на чувства слушателей, а власть слова, вызывающего в душах столь возвы-

шенные переживания, сравнивается автором с силой слова проповедника, со словами апостолов и пророков. Как известно, Жан Поль был не слишком благосклонно принят веймарскими классицистами, и воспринимался как своего рода оппонент классицизма. Руссо и Жан Поль появляются в рассказах австрийских писателей во многом как противовес интеллектуальной упорядоченности немецких классицистов, в первую очередь Гёте. Поэтому живое слово, как и музыка, воспринимается не столько разумом, сколько всем существом человека.

Как правило, книги представлены в австрийской прозе не единообразно и играют разную роль в своём воздействии на личность и в авторском восприятии и оценке. Это могут быть художественные книги, книги научные и книги учебные. Первые служат познанию собственной души и мира или помогают героям понять и узнать друг друга. Например, в раннем творчестве А. Штифтера это произведения Жана Поля, рыцарские романы, поэзия Ю. Кернера, в более позднем — в романе «Бабье лето» («**Der Nachsommer**», 1857) – это книги античных поэтов, Шекспира, Кальдерона, Гёте.

В литературе австрийского бидермайера книга выступает хранительницей памяти рода, она оказывается последним свидетельством фамильной истории, личных переживаний предков героя, о которых остались лишь смутные воспоминания. Обычно это жанр автобиографии, жизнеописания. Книга говорит с персонажем о прошлом тогда, когда все остальные реалии ушедшей эпохи уже молчат, храня свои тайны. Утратив в глазах потомков свой знаковый, смысловой харак-

тер, превратившись в разрозненные и как будто не связанные между собой предметы, они ветшают и безмолвствуют. В найденной (чаще случайно) и извлеченной почти из небытия старинной книге, рукописи подчёркивается её ветхость — пожелтевшие страницы, покрытый толстым слоем пыли и местами истёртый переплет. Писатели и художники бидермайера, жившие в эпоху Реставрации, стремятся удержать и воссоздать прошлое, противопоставив его преходящей современности. Так, на картине известного австрийского художника Ф. Вальдмюллера «Розы в стекле» («Roses in Glass», 1831) изображены розы, чуть тронутые увяданием, свеча в серебряном подсвечнике, украшения с горными камешками и книга. Пожелтевшие и даже отчасти почерневшие страницы, твёрдый добротный переплёт с сильно потускневшим золотым тиснением выдают значительный возраст этого фолианта. Цветущая веточка, лежащая на тёмной обложке, подчёркивает сопротивление книги времени и разрушению.

Представление о книге, как о явлении, способном хранить, возрождать и оживлять прошлое, пронизывает художественный мир А. Шрифтера. В повести «Записки моего прадеда» («Die Mappe meines Urgroßvater», 1841/1842) молодой рассказчик находит на чердаке своего старого дома рукопись, состоящую из нескольких объёмистых тетрадей, скреплённых лентами. Остальные предметы в доме, на чердаке и в сундучке (резное письменное бюро, золочёная статуэтка святой Маргариты, выкройки вышедших из моды платьев) безмолвно доживают свой век, и только книга расскажет ге-

рою о жизни прадеда — деревенского доктора этой лесистой глухой местности. Но прежде чем герой погрузится в жизнеописание своего предка, ему нужно преодолеть немало трудностей, чтобы вызвать голос прадеда из прошлого. Подчёркивается ветхость книги, пыль и паутина, почти совсем скрывшие её, пожелтевшие пергаментные листы, неразборчивый почерк, разница шрифтов. Когда герой находит вложенные в книгу разрозненные записи своего отца, то его охватывает чувство, словно он «нашёл сердце, которое искал двадцать лет кряду, — сердце давно скончавшегося батюшки» [5, с. 42].

Шрифтер подробно описывает найденную книгу прадеда во всей её вещественности, материальности — её кожаный пурпурный переплёт, пружины, медные застёжки, ярко-красные буквы заголовков, пронумерованные страницы. Она выступает поистине сакральной, её постоянно называют «памятной», «заветной» книгой. Задачей героя становится собрать воедино жизнеописание прадеда. Вводная часть «Записок моего прадеда», в которой рассказывается о загадочной находке, называется «Обломки старины» («Die Alterthümer»), и из этих обломков уцелеет, сохранив и раскрыв свою тайну, лишь книга. Она же прояснит значение некоторых предметов в доме (например, статуэтку св. Маргариты). Спасённая от тлена, извлечённая из «хлама» и «рухляди» потерявших свой смысл вещей и предметов, книга способна оживить прошлое вековой давности: перед читателем предстаёт жизнь доктора с её трудностями, сомнениями, переживаниями, ошибками и прозрениями. Вместе с молодым

героем — читателем таинственных записок — погружается в историю жизни доктора и читатель, который держит в руках книгу А. Штифтера, так что перед нами — своего рода книга в книге. Но и всю жизнь человека, всё, что его окружает, Штифтер уподобляет летописи: книга становится важной метафорой всего произведения. Так, с книгой отождествляется старый дом с его давней историей: «сколько горя и радости сокрыто в нечитанных страницах такой истории» [5, с. 34]. Рассказывая внукам о прошлом, вспоминает повзрослевший герой, дед «мысленно углублялся в книгу своей юности» [5, с. 35]. Вся старинная обстановка дома сопоставляется с летописью, которую дети ещё не могут читать, но их память запечатлевает предметы и вещи уклада предков: «мы, дети, вживались в неё, словно в старую книжку с картинками» [5, с. 35].

В повести «Замок дураков» («Die Narrenburg», 1844) молодой герой тоже отправляется в путешествие в прошлое, попадая в опустевший и заброшенный замок, наполненный предметами искусства разных эпох, превратившихся в неупорядоченные «обломки старины», пусть и обладающие высокой эстетической ценностью. Но молодой герой Генрих, который оказывается наследником многовекового рода и замка, проникает в когда-то закрытое и недоступное, а теперь обветшавшее хранилище рукописей предков. Среди глена и разрухи Генрих находит жизнеописания представителей рода. Он читает отрывки автобиографии некоего Йодока, который, в свою очередь, когда-то оказался потомком и наследником фамилии. Как отмечает немецкая исследовательница

повести К. Гэц, «историческая память пробуждается вещественными останками прошлого и крепко держится за них» [1, с. 601], и повествование Штифтера «направлено против преходящего, текущего времени» [1, с. 601]. Способом преодоления времени, реставрации становится для писателя изображение оживших «обломков старины», стремление к упорядочению исторических «руин», хаоса, а образом вневременности оказывается книга.

Книга в системе ценностей австрийской культуры тесно связана с вопросами воспитания и образования. Почти всегда проводится мысль о том, что любая, даже самая великая, книга не может быть единственным средством воспитания нравственности и вкуса человека, и ни одна книга не может заменить живого общения. Книга принесёт больше вреда, чем пользы, по мнению Штифтера, если будет прочитана раньше времени и останется непонятой или будет понята превратно. Худшим вариантом является возможность знакомства ребёнка с лжеискусством, с книгой, в которой нет ни правдивых характеров, ни достойных мыслей. В таком случае, считает писатель и говорит это устами одного из важнейших персонажей своего романа «Бабье лето», лучше, если человек «не будет знать ничего, кроме произведений самой природы», ведь «плохое, выдающее себя за искусство поэзии, очень опасно для молодых» [4, с. 258]. Образ мудрого наставника, который указывает, что именно и в каком порядке следует читать ребёнку или подростку, оказывается в романе очень важным. При этом подчёркивается, что ребёнок пользуется полным доверием и уважением наставника,

который не является ментором, а выступает учителем, ненавязчиво развивающим природные склонности своего ученика. Штифтер, получивший всестороннее образование в гимназии при бенедиктинском монастыре в Кремсмюнстере, всю жизнь был живописцем-пейзажистом, а потом много лет проработал школьным учителем и инспектором венских народных школ, признавал лишь постепенное образование и воспитание, в котором сочетаются духовные и эстетические ориентиры, книга и личный пример. Поэзия, музыка, картины, сад, природа выступают равноправными воспитателями ребёнка.

Научные книги занимают в произведениях австрийцев весьма значительное место. Многие герои — естествоиспытатели, начинающие учёные. Нередко упоминаются книги по математике, философии, естественным наукам, истории. Интересно, что научные штудии обязательно сочетаются у персонажей с чтением художественных произведений, с вниманием к живописи, к музыке. Вопрос об одержимости одной лишь наукой в австрийской литературе XIX века не актуален, поскольку наука и поэзия признаются неразделимыми способами познания мира и человека. Материя никогда не доминирует над духом, находясь с ним в гармонии. Недаром в романе «Бабье лето» герой изучает сначала природу, зарисовывает растения и горные породы, а затем начинает заниматься пейзажной живописью и, наконец, наиболее сложным — портретом. В его дорожных вещах всегда находятся и научные, и художественные книги. Интересно, что в частных библиотеках, о которых упоминается в

рассказах австрийцев, научные и художественные книги соседствуют. И это не может быть случайностью, поскольку всегда отмечается идеальный порядок библиотек. Так, в романе Штифтера книги Гердера, Лессинга, Гёте стоят поблизости от работ А. Гумбольдта.

И, наконец, учебная литература занимает немалое место в австрийском художественном мире. Как правило, в большинстве произведений писателей Австрии с ней связывается нечто принудительное, сухое, педантичное и скучное. Зазубривание не только всегда осознаётся авторами как явление возмутительное, бессмысленное и противоестественное, но и может приводить к трагическим последствиям, поскольку напрямую сопоставлено с унижением и подавлением личности, с недоверием к внутреннему миру, к естественным склонностям и задаткам ребёнка. Чаще всего учебники непосредственно связаны с образом тесной и тёмной комнаты. Если художественные книги, как уже упоминалось, могут читаться под яблоней, под липой, на старой голубятне, то в случае с учебными книгами пространство всегда замкнуто, обстановка нездоровая и полная страха. Как правило, книги эти не обладают своеобразием — они обычно упоминаются как нечто нерасчленённое: «пачка», «стопка», «связка». Если называется предмет этих книг, то это чаще всего латынь или история. Всё здесь внешне будто бы «скопировано» с манеры чтения художественных книг и в то же время перевёрнуто в нравственном и этическом смысле с точностью до наоборот. Так, их читают вслух, но не кому-то, а себе, и это не прекрасное и звучное слово, а однообразное бормотание, не вызы-

вающее никаких чувств; их читают в уединении, но душа не пробуждается, а умерщвляется. В восприятии австрийских авторов это не является нормой, а подаётся как нечто недолжное и недопустимое. Затверживание противопоставлено излюбленной австрийской ценности — игре и импровизации. Музыкальная импровизация, которая в произведениях воспринимается как искусство, не уступающее самым высоким образцам классической музыки, является воплощением внутренней свободы. Книга, в которой ничто не рассчитано на душевный отклик, которая затрагивает в лучшем случае только возможности интеллекта, да и то в самом обеднённом, строго функциональном, смысле этого слова, не может сколько-нибудь благотворно влиять на личность.

Примером верного и естественного обучения, основанного на своего рода импровизации, становится метод хозяина усадьбы в романе «Бабье лето», который занимается со своим приёмным сыном-подростком. Он обходится вовсе без учебных книг — описывает явление, демонстрирует его на примерах своей коллекции, поясняет рисунком. Мальчик записывает затем рассказанное по памяти, а то, что им усвоено, обсуждается в дружеской беседе. При этом язык беседы настолько прост и ясен, что его понял бы и ребёнок.

Пример совсем другого, трагического, исхода обучения, построенного на непонимании и принужденности, дан в рассказе М. фон Эбнер-Эшенбах «Примерный ученик» («Der Vorzugsschüler», 1901). Здесь школьник Георг, по мнению его отца, венского чиновника, должен непре-

менно всегда быть первым учеником в классе. Описана пустая и неуютная комната мальчика, в которой никогда не было игрушек, письменный стол со стопкой учебников. Тесноте венского предместья противопоставлена деревня, о которой тщетно мечтает мальчик. Но главное противопоставление рассказа — учебники и музыка. Если книги предстают как нечто безликое и про них сказано только, что они «новенькие», то флейта и губная гармошка, называемая «соловей», показаны почти волшебными. Купив у лоточника на сэкономленные гроши «соловья», Георг впервые в жизни чувствует себя свободным, словно проснувшимся и парящим. Нет сомнений в его музыкальном таланте, который и является его настоящим призванием. Но этот «полёт» длится очень недолго, так как отец отнимает инструмент, назвав его «безделушкой», и выбрасывает в окно. Не выдержав отцовских притязаний и не оправдав их в учёбе, несмотря на всё своё прилежание, мальчик кончает жизнь самоубийством. Книга и амбиции отца буквально убивают его, тогда как музыка и природа могли бы стать спасением. Подчёркивается также абсолютное неумение отца объяснять — вместо связной речи мы слышим лишь обрывистые и сердитые фразы, которые касаются только самых поверхностных и формальных знаний, а бедность его речи «заменяет» палец, то и дело стучащий по учебнику или тетради, а нередко и кулак.

В нравственно-эстетической системе ценностей Австрии книга занимает важное, но отнюдь не доминирующее место. Она может оживить прошлое и приостановить разрушительный ход времени. Истинно великого воз-

действия на человека она достигает тогда, когда может быть сопоставима с музыкой — этой главной австрийской ценностью в XIX веке. Особую ценность книга обретает тогда, когда способствует развитию души, чувства возвышенного, воспитанию благородной простоты, когда объединяет людей и делает человека свободным. Но

одна книга — без человеческого участия, без природы, без искусства, без личного примера — не достигнет цели нравственного воспитания. Книга в австрийской литературе не становится культовым предметом, не замещает и не вытесняет живую речь, песню, рассказанную историю, беседу, а уживается с ними на равных.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гэц К. Обрыв традиции и реконструкция прошлого под знаком историзма. О «Замке дураков» Адальберта Штифтера / Пер. с нем. // Немецкая литература между романтизмом и реализмом. 1830–1870. Тексты и интерпретации / Сост. проф. Й. Шмидт, проф. А.Г. Березина. СПб: Бельведер, 2003. 805 с.
2. Заар Ф. фон. Иннокентий // Австрийская новелла XIX века. / Сост., вступит. статья и комментарии Т. Путинцевой; Пер. с нем. М.: Гос. издат. художественной литературы, 1959. 699 с.
3. Зафир Г.М. Цыганка // Австрийская новелла XIX века / Сост., вступит. Статья и комментарии Т. Путинцевой / Пер. с нем. М.: Гос. издат. художественной литературы, 1959. 699 с.
4. Штифтер А. Бабье лето / Пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция, 1999. 613 с.
5. Штифтер А. Записки моего прадеда // Штифтер А. Лесная тропа. Повести и рассказы / Пер. с нем. М.: Художественная литература, 1971. 518 с.

REFERENCES:

1. Gets K. Obryv traditsii i rekonstruktsiya proshlogo pod znakom istorizma. O «Zamke durakov» Adal'berta Shtiftera / Per. s nem. // Nemetskaya literatura mezhdru romantizmom i realizmom. 1830-1870. Teksty i interpretatsii / Comp. by prof. I. SHmidt, prof. A.G. Berezina [Break the tradition and the reconstruction of the past under the sign of historicism. About «Castle of fools» Adalbert Stifter] // German literature between romanticism and realism. 1830-1870. Texts and interpretation / Ed. by prof. Th. Schmidt, prof. A. G. Berezina. SPb., Bel'veder, 2003. 805 p.
2. Zaar F. fon. Innokentii // Avstriiskaya novella XIX veka. / Sost., vstupid. stat'ya i kommentarii T. Putintsevoi; per. s nem. [Zaar F. fon. Innokentii // the Austrian novel of the XIXth century. / Comp., preface and comments by T. Putintseva; Transl. from German]. M., Gos. izdat. khudozhestvennoi literatury, 1959. 699 p.
3. Zafir G.M. Tsyganka // Avstriiskaya novella XIX veka /sost., vstupid. stat'ya i kommentarii T. Putintsevoi / Per. s nem [Gypsy // the Austrian novel of the XIXth century / / Comp., preface and comments by T. Putintseva / Transl. from German]. M., Gos. izdat. khudozhestvennoi literatury, 1959. 699 p.
4. Shtifter A. Bab'e leto / Per. s nem [Indian summer / Transl. from German]. M., Progress-Traditsiya, 1999. 613 p.
5. Shtifter A. Zapiski moego pradeda // Shtifter A. Lesnaya tropa. Povesti i rasskazy / Per. s nem [My great-grandfather's notes // Stifter A. Forest trail. Novels and stories / Transl. from German]. M., Khudozhestvennaya literatura, 1971. 518 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Стрельникова Алла Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета; e-mail: a-strelnikova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alla Strelnikova – candidate of philological sciences, associate professor at the department of History of Foreign Literatures, Moscow State Regional University; e-mail: a-strelnikova@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Стрельникова А.А. Образ книги в нравственно-эстетической системе ценностей австрийских писателей XIX века // // **Вестник Московского государственного областного университета**. Серия: Русская филология. 2016. № 1. С. 142–150. DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-142-150

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A. Strelnikova. THE IMAGE OF THE BOOK IN THE ETHICAL AND AESTHETIC AXIOLOGICAL SYSTEM OF AUSTRIAN WRITERS OF THE 19TH CENTURY // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology. 2016. № 1. P. 142–150.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-142-150